

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ВАИШЛАХ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Испуг или тревога?

Яков и Эсав вот-вот встретятся вновь, спустя двадцать два года. Атмосфера напряженная. Когда-то Эсав поклялся убить Якова из мести, сочтя, что брат хитростью отобрал у него отцовское благословение. Что же, теперь Эсав осуществит клятву? Или он поостыл, время залечило боль обиды?

Яков посылает к брату гонцов с известием, что скоро прибудет. Гонцы возвращаются и сообщают, что Эсав с отрядом из четырехсот человек идет навстречу Якову. Далее мы читаем: «Яков сильно испугался и встревожился» (Берешит, 32:8).

Напрашивается вопрос. Яков испытывает бурю эмоций. Но зачем нужны два глагола? В чем разница между испугом и тревогой?

В одном из мидрашей есть глубокомысленный ответ: «Сказал рабби Йеуда, сын рабби Илая: “Разве испуг и тревога — не одно и то же? Нет, эта фраза значит, что ‘он

испугался’ — как бы не быть убитым. ‘Он встревожился’ — как бы не совершить убийство самому. Ибо Яков подумал: ‘Если он [Эсав] одолеет меня — разве не убьет меня; а если я одолею его — разве не убью его?’ Таков смысл слов ‘он испугался’, как бы не быть убитым; ‘и встревожился’ — как бы не совершить убийство самому» .

Итак, согласно мидрашу, разница между испугом и тревогой в том, что испуг — это опасения за свою физическую безопасность, а тревога — это опасение поступить безнравственно. Страх смерти и опасение причинить смерть другому — разные вещи. Но это наталкивает на следующий вопрос. Еврейский закон разрешает самооборону, верно? Если бы Эсав попытался убить Якова, Яков был бы вправе защищаться, если понадобится, даже ценой жизни Эсава. Неужели необходимость самообороны должна порождать нравственные терзания?

Этот вопрос рассмотрел рабби Шабтай Бас, автор «Сифтей хахамим», комментария к комментариям Раши: «Тут можно возразить, что Якову определенно не следовало тревожиться из-за риска убить Эсава, ведь есть недвусмысленное правило: “Пришедшего убить тебя — упреди и убей”. Тем не менее Яков испытывал нравственные терзания, опасаясь при стычке убить нескольких людей Эсава, ведь они намеревались не убить Якова своими руками, а просто вступить в схватку с людьми Якова. И, хотя люди Эсава преследовали людей Якова, а всякий человек вправе спасти жизнь преследуемого ценой жизни преследователя, все же есть оговорка: “Если преследуемого можно было спасти, изувечив конечность преследователя, но спаситель вместо этого убил преследователя, то за это деяние спаситель подлежит смертной казни”. Таким образом, Яков опасался, что в суматохе битвы убьет нескольких людей Эсава, хотя для отражения атаки их было бы достаточно ранить».

Согласно «Сифтей хахамим», здесь речь о принципе, требующем применять силу по минимуму. Якова тревожила перспектива прикончить в пылу битвы нескольких нападающих: чтобы защитить жизнь жертв, в том числе самого Якова, было бы достаточно просто ранить агрессоров.

Впрочем, допустима и другая версия: слова мидраша следует понимать прямо, ничего не прибавляя и не убавляя. Яков испытывал тревогу оттого, что будет вынужден убить человека, даже абсолютно оправданно.

Здесь важно понятие «нравственная дилемма». Дилемма — более сложный случай, чем «нравственный конфликт». Нравственных конфликтов в нашей жизни хоть отбавляй. Допустим ли аборт ради спасения жизни матери? Должны ли мы слушаться своих родителей, когда они просят нас сделать что-то, запрещенное еврейским законом? Можно ли нарушать шабат ради продления жизни неизлечимо больного пациента? На эти вопросы есть ответы. Нам объясняют, какие действия будут правильными, а какие неправильными. Если существуют две взаимно противоречащие обязанности, глобальные алахические принципы подскажут нам, какая из них главнее. В некоторых этических системах все нравственные конфликты урегулируются таким образом. Всегда есть четкая процедура принятия решения, а значит, на вопрос, как мне поступить, непременно существует четкий ответ.

Но в ситуации дилеммы не бывает правильного ответа. Мне негоже совершать ни поступок А (позволить себя убить), ни поступок В (убить другого человека); но я вынужден совершить либо первое, либо второе. Точнее, в определенных ситуациях недостаточно просто поступить правильно.

Возможно, у конфликта есть неизбежная трагическая подоплека. Из того факта, что один принцип (самооборона) сильнее другого (запрета убивать), вовсе не следует, что я, оказавшись перед таким выбором, не буду испытывать нравственных терзаний. Иногда быть

высоконравственным человеком — значит изнывать от тревоги при необходимости делать такой выбор. Сознание правильности моего поступка, возможно, избавит меня от угрызений совести или чувства вины, но все равно я буду сожалеть или печалиться из-за того, что мне пришлось сделать.

Если морально-этическая система оставляет простор для наличия дилемм, то она не пытается чересчур упростить нравственную жизнь, отменяя сложные вопросы. Если мы вынуждены выбирать между двумя хорошими (либо двумя дурными) поступками, то, возможно, есть благоразумный вариант действий (предпочесть высшее из двух благ или меньшее из двух зол), но он не отменяет душевных страданий. Праведные люди — те, кто иногда способен испытывать душевную тревогу, даже когда они знают, что поступили правильно.

Здесь мидраш учит нас, что иудаизм признает существование дилемм. Хотя еврейский закон содержит много тонких нюансов и располагает глобальными алахическими принципами, подсказывающими, какая обязанность главнее, мы все же можем столкнуться с ситуациями, когда причина нравственных терзаний неустранима.

Величие Яакова — в его способности испытывать душевную тревогу даже при мысли об оправданном поступке — защите собственной жизни ценой жизни брата.

Эту особенность — склонность к нравственным терзаниям из-за

применения силы и потенциального кровопролития даже в ситуации самообороны — еврейский народ сохранил со времен Яакова доныне. Одно из самых примечательных явлений современной истории — психологическая реакция израильских солдат после Шестидневной войны 1967 года. За несколько недель до войны едва ли не все евреи в мире понимали, какая страшная опасность нависла над Израилем и его народом. На всех границах Израиля были сосредоточены войска — египетские, сирийские, иорданские. Израиль находился в кольце врагов, которые поклялись сбросить его народ в море. В итоге Израиль одержал одну из самых ошеломительных военных побед всех времен. Нас переполняло чувство облегчения, а также восторг по поводу воссоединения Иерусалима и того факта, что евреи после девятнадцатилетнего перерыва вновь обрели возможность молиться у Западной стены. Даже стопроцентно секулярные израильтяне признавались в пылких религиозных чувствах по поводу этого, как они осознавали, исторического триумфа.

Однако уже в первые послевоенные месяцы, когда по всему Израилю люди обсуждали произошедшее, стало ясно, что настроение участников войны отнюдь не триумфальное. Они предавались невеселым и даже мучительным размышлениям.

В том же году Еврейский университет в Иерусалиме удостоил Ицхака Рабина, который во время войны был начальником Генштаба, почетной докторской степени.

Выступая на торжественной церемонии, он сказал: «Мы все чаще наблюдаем у наших бойцов странное явление. Они не испытывают стопроцентной радости, в атмосфере их праздников ощущается сильная примесь печали и шока, а некоторые бойцы вообще не хотят ничего праздновать. Воины на передовой увидели своими глазами не только великолепие победы, но и ее цену: рядом с ними, истекая кровью, гибнут их товарищи. Мне известно, что даже та страшная цена, которую заплатили наши враги, разбредила сердца многих наших мужчин. Возможно, еврейский народ так и не научился

или не привык торжествовать по поводу завоеваний и побед, вот почему такие свершения вызывают у нас смешанные чувства».

Народ, способный на нравственные терзания даже после побед, сознает трагическую сложность нравственной жизни. Иногда сделать правильный выбор недостаточно. Нужно также бороться за созидание такого мира, в котором делать выбор из нравственно тяжелых вариантов не придется, так как мы поищем и найдем ненасильственные способы решения конфликтов.